
ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ И СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 330.43:330.161

БЫТОВАЯ КОРРУПЦИЯ В РОССИИ: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ НА ОСНОВЕ НЕСПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ОПРОСОВ

А. В. Аистов, А. В. Рассадовская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород)

Поступила в редакцию 9 декабря 2013 г.

Аннотация: в работе даны эмпирические оценки отношения россиян к бытовой коррупции. В качестве источника информации использованы следующие базы данных: LITS, WVS, RLMS-HSE. Выявлены немонотонная (выпуклая вверх) зависимость коррупционных настроений от возраста и положительная – от дохода. Рост уровня образования и проживание в городе укрепляют уверенность в необходимости давать взятки. Ответы респондентов на ретроспективные вопросы подтверждают, что коррупционные настроения в России за последние десятилетия не снижаются.

Ключевые слова: коррупция, эмпирические оценки, логит-модели, непараметрические оценки, LITS, WVS, RLMS-HSE.

Abstract: the research focuses on empirical estimates of what Russians think about everyday corruption in Russia. We use LITS, WVS and RLMS-HSE data sets. It was discovered concave dependence of corruption expectations on age and positive on income. Level of education and town habitation increase confidence in necessity of bribes. Retrospective questions confirm that corruption did not decrease in Russia during the last decades.

Key words: corruption, empirical estimates, logit-models, non-parametric estimates, LITS, WVS, RLMS-HSE.

Противоречия экономического и этического подходов к изучению развития общества затрагивались еще в XVIII в. – в работах Бернарда Мандевиля (1705 г.) и Адама Смита (1776 г.) [1]. «Парадокс Мандевиля» о связи преступной деятельности с развитием общества до сих пор привлекает исследователей. Существуют подтверждающие (см., например, Kelly [2], Brush [3]) и опровергающие (Андриенко [4], Westwood [5]) данный парадокс работы. Известно также, что отдельные проявления таких правонарушений, как коррупция, могут служить механизмами корректировки несовершенств институциональной среды (Ahlin, Pang [6]). Совокупность этих теорий, будучи подтвержденной, дала бы возможность повысить эффективность борьбы против этого явления через совершенствование необходимых институтов.

Вопросам совершенствования мер противодействия коррупции в России посвящено большое количество научных исследований. В качестве

примеров можно привести работы О. Н. Ведерниковой [7], М. Ю. Попова [8], Е. В. Охотского [9], М. Левина и Г. Сатарова [10]. На наш взгляд, заслуживающим внимания и полезным дополнением к имеющимся результатам являются эмпирические оценки склонности людей к взяточничеству «на бытовом уровне»¹. Вряд ли можно успешно бороться с деловой коррупцией в условиях, когда бытовая коррупция является нормой ежедневного поведения. Интересно получить ответы на следующие вопросы. Является ли взятка привычным элементом ежедневных взаимодействий граждан? Каковы закономерности формирования коррупционных ожиданий в нашем обществе?

В настоящей работе выполнено исследование оценок россиянами состояния коррупции в стране, а также произведен эмпирический анализ факто-

---

¹ Согласно работе М. Левина и Г. Сатарова [10], понятие «бытовая коррупция» охватывает: «...сферу рутинных взаимодействий граждан и власти (здравоохранение, образование, судопроизводство, различного вида регистрации, военный призыв, личную безопасность и т.п.)».

ров, влияющих на отношение россиян к бытовой коррупции.

В исследовании использованы данные Life in Transition Survey (LITS) [11], World Values Survey (WVS) [12] и «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ» (RLMS-HSE) [13], проводимого совместно НИУ-ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле (США) и Института социологии РАН.

Динамика коррупции в России

Последнее время достаточно часто в соответствующей литературе и иногда в средствах массовой информации упоминается индекс восприятия коррупции (Corruption Perception Index, CPI). Он рассчитывается международной неправительственной организацией Transparency International на основе экспертных оценок [14]. Индекс отражает восприятие осведомленными наблюдателями коррупции в государственном секторе и политике, а также учитывает эффективность правительственных антикоррупционных мер. Transparency International использует CPI для построения рейтинга стран. Большее значение индекса (в пределах от нуля до ста) соответствует меньшей коррумпированности экономики и более эффективной борьбе с коррупцией.

Например, в 2012 г. первое место, предполагающее наибольшую чистоту от коррупции, разделили Дания, Финляндия и Новая Зеландия. Их CPI были равны 90 баллам [15]. В конце списка (на 174 месте) оказались Афганистан, Северная Корея и Сомали. Они набрали по 8 баллов. Россия в этом рейтинге в 2012 г. оказалась на 133-м месте, разделив его с Союзом Коморских Островов, Кооперативной Республикой Гайана, Республикой

Гондурас, Исламской Республикой Иран и Республикой Казахстан. У каждой из этих стран (включая Россию) CPI в 2012 г. был равен 28. За все время пребывания в рейтинге (с 1996 г.) России удавалось подниматься лишь в 62 % лучших стран, что соответствовало значению CPI, равному 28.

Заметим, что использование CPI иногда подвергается критике. Считается, что, во-первых, он не охватывает все формы проявления коррупции. Во-вторых, его частое цитирование в средствах массовой информации может стимулировать развитие коррупции в стране, формируя соответствующие ожидания и поведение граждан.

Transparency International качественно согласуются с данными LITS – опросом гражданского мнения, проведенным Европейским банком реконструкции и развития совместно с Мировым банком в 2006 и 2010 гг. В использованную ими выборку вошли около 29 тыс. респондентов из 29 стран в 2006 г. и примерно 39 тыс. домохозяйств из 34 стран в 2010 г. В качестве одного из вопросов в 2006 г. предлагалась фраза: «Уровень коррупции сейчас ниже, чем в 1989 г.». В 2010 г. аналогичная фраза звучала следующим образом: «Уровень коррупции сейчас ниже, чем 4 года назад». И в том, и другом году респондентам предлагались следующие варианты ответа: 1 – «Полностью не согласен», 2 – «Не согласен», 3 – «И да, и нет», 4 – «Согласен», 5 – «Полностью согласен». Распределение ответов россиян на вопросы о снижении уровня коррупции в рамках данного опроса показаны на рис. 1 (по вертикали отложены количества ответов в соответствии с указанной выше кодировкой). На рис. 1 видно, что до 2010 г. включительно в сознании большинства опрошенных не сформировались ощущения снижения уровня коррупции в России.

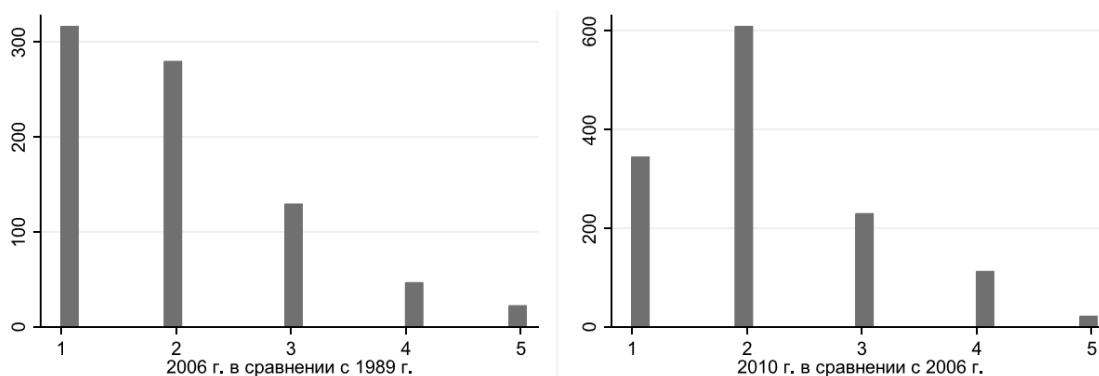

Рис. 1. Несогласие с утверждением о снижении коррупции (LITS)

Приведенные результаты согласуются с экспертными оценками Transparency International. В период с 1996 по 2006 г. положение России в рейтинге по индексу CPI преимущественно ухудшалось. В 2010 г. по сравнению с 2006 г. индекс падал. По данным опроса LITS граждане также отмечали усиление коррупции в тот период.

Совпадение мнений экспертов и результатов опроса населения позволяет задуматься о схожести процессов в рамках бытовой и верхушечной коррупции, подчеркивает важность предлагаемого нами исследования бытовой коррупции с целью лучшего понимания особенностей ее распространения и возможного исключения ее развития как самоподдерживающегося процесса за счет предубеждений относительно возможной коррумпированности отдельных социальных институтов.

Коррупционные ожидания

С целью выполнения количественных оценок, позволяющих выявить некоторые закономерности в рамках настоящего исследования, обратимся к базе данных RLMS-HSE – ежегодному опросу, репрезентативно представляющему население России по многим показателям.

Вопросы, касающиеся коррупции, были заданы респондентам в нескольких раундах RLMS-HSE. Так, в 2001 г. один из вопросов звучал следующим образом: «Скажите, пожалуйста, как вам подсказывает жизненный опыт, приходится ли сейчас людям давать взятки чиновникам и работникам правоохранительных органов?» Более восьми тысяч респондентов в возрасте от 15 до 72 лет² ответили на этот вопрос, из них около 89 % – положительно. Оценки ответивших «да» на данный вопрос в зависимости от возраста представлены на рис. 2.

На рис. 2 видно, что даже не имевшие богатого жизненного опыта респонденты в возрасте 15 лет примерно 85 раз из 100 отвечали на вопрос положительно. К 25 годам процент положительных ответов статистически значимо возрастает примерно на 5 пунктов и сохраняется неизменным для большинства поколений, снижаясь лишь среди респондентов, родившихся до 1945 г. Последний результат согласуется с работой Gatti, Paternosto, Rigolini [16], утверждающей, что зрелые люди склонны более негативно относиться к взяткам.

² Данное ограничение по возрасту использовано нами в представленном ниже исследовании, за исключением отдельных оговоренных случаев.

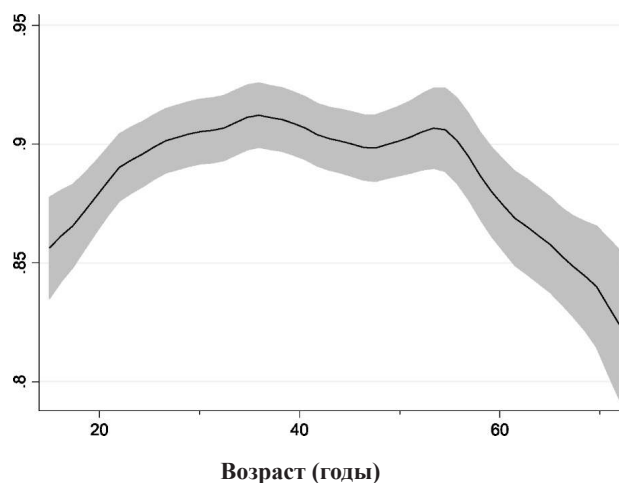

Рис. 2. Зависимость от возраста положительных ответов на вопрос о необходимости давать взятки чиновникам и работникам правоохранительных органов, RLMS-HSE, 2001 г. (по вертикали – доля от числа ответивших, серый цвет – 95 % доверительный интервал)

Несомненно, что респонденты, отвечая на приведенный выше вопрос, опираются на свой жизненный опыт, сведения, полученные из своего круга общения и средств массовой информации. Заметим, что наблюдаемое на рис. 2 статистически значимое «плато» в диапазоне 25–55 лет соответствует возрастам наиболее активного взаимодействия с социальными институтами. В предположении равномерной подверженности населения воздействию средств массовой информации приходим к выводу, что представленные результаты согласуются с гипотезой об относительно высокой коррумпированности чиновников и правоохранительных органов (по крайней мере, в 2001 г.).

Интересно также почувствовать динамику распространения бытовой коррупции в ходе переходного периода экономики России. В анкетах RLMS-HSE 2001 г. присутствовал вопрос: «Как вам кажется, по сравнению с тем, что было раньше, взятки приходится давать чаще, реже или так же?» Около 67 % отвечавших на вопрос сказали, что взятки приходится давать чаще, чем раньше, около 29 % ответили, что так же, как и раньше. К сожалению, в вопросе не уточняется, с каким периодом необходимо сравнивать.

Усредненные результаты ответов на этот вопрос в зависимости от возраста представлены на рис. 3. На рис. 3 видно, что все поколения склоняются к мнению о том, что взятки приходится давать чаще. Более оптимистично (в отношении уменьшения числа взяток) поколение 1971–1976 гг. рождения, увидевшее начало перестройки в возрасте около

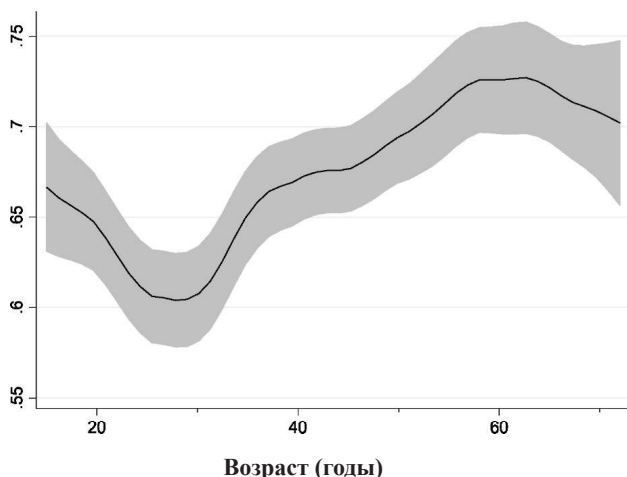

Рис. 3. Зависимость от возраста среднего значения ответов на вопрос о частоте взяток по сравнению с тем, что было раньше; RLMS-HSE, 2001 г. (кодировка ответов: +1 – реже, 0 – так же, 1 – чаще; серый цвет – 95 % доверительный интервал)

18 лет. Менее оптимистично поколение 1936–1946 гг. рождения. Возможно, они сравнивают текущую ситуацию с наиболее запомнившимися для них военными и послевоенными годами. Несколько неожиданно, что относительно большая доля респондентов, родившихся в 1986 г., также считает, что взятки приходится давать чаще, чем ранее. Из существенных политических и экономических потрясений данное поколение в своей жизни наблюдало лишь перестройку (в плане адекватного восприятия понятия «взятка» вряд ли осознанно, в силу своего возраста) и кризис 1998 г. (уже в 12-летнем возрасте). Но в 2001 г. на момент опроса ученики старшей школы, возможно, уже начали сталкиваться с незаконными действиями в окружающей их действительности или судили об этом из средств массовой информации или рассказов родителей.

Немонотонная зависимость, показанная на рис. 3, скорее всего, является следствием того, что разные поколения используют разные периоды для оценки относительной частоты дачи взяток. Общими в ответах респондентов в 2001 г. остаются лишь высокие «коррупционные ожидания» и отрицание улучшения ситуации. К сожалению, отсутствие в анкетах RLMS-HSE ежегодно повторяющихся вопросов по выбранной нами тематике не позволяет адекватно проследить динамику коррупционных настроений нашего общества во времени.

В 2006 г. в рамках опроса RLMS-HSE респондентам были заданы вопросы, ответы на которые могут быть интерпретированы как подтверждение

наличия коррупционной составляющей в действиях представителей отдельных организаций. Респондентов спрашивали, обращались ли они в течение последних 12 месяцев в следующие организации:

- паспортно-визовые и паспортные службы, отделы ЗАГС;
- суды;
- БТИ, регистрационные палаты;
- милиция;
- ДЭЗ, ЖЭК, муниципальные службы;
- ГАИ / ГИБДД.

Если ответ был положительный, то им задавался вопрос: «Как часто вам приходилось платить деньгами или подарками непосредственно сотрудникам этих организаций, а не официально в кассу или банк?» Ответы респондентов на этот вопрос закодированы нами следующим образом: 0 – никогда, 1 – иногда, 2 – каждый раз. Результаты усреднения ответов по организациям, в которые обращались респонденты, приведены на рис. 4, а. Правый график на этом рисунке показывает число респондентов, ответивших «иногда» или «каждый раз» в соответствующей организации. Общее количество респондентов, обращавшихся хотя бы в одну из перечисленных организаций, равно 4023.

На рис. 4 видно наблюдавшуюся в 2006 г. относительно высокую склонность обеих сторон (и граждан, и сотрудников) к неофициальному решению «конфликтов» в ГАИ / ГИБДД. В более формализованных и проще поддающихся стороннему контролю организациях склонность к коррупционным действиям заметно ниже. Заметим, что по числу «взаимодействий» с респондентами ГАИ / ГИБДД находится на третьем месте (около 24 % обращений указанных выше 4023 респондентов), после ДЭЗ, ЖЭК, муниципальных служб (54 % обращений) и паспортно-визовых, паспортных служб, отделов загс (35 % обращений).

К сожалению, мы не можем судить о величине коррупционных потоков в денежном выражении, поскольку такой вопрос в рамках RLMS-HSE не был задан. Тем более, мы не можем сопоставить склонность россиян к коррупционным действиям в 2006 г. по сравнению с 2001 г. ввиду изменения формулировок вопросов. Удалось лишь сравнить ответы респондентов разных поколений на указанный выше вопрос анкеты 2006 г. по аналогии с тем, как это было сделано для 2001 г. Основным выводом из проведенного анализа следующий: респонденты, которые чаще сталкиваются с представителями соответствующих организаций, с большей уверен-

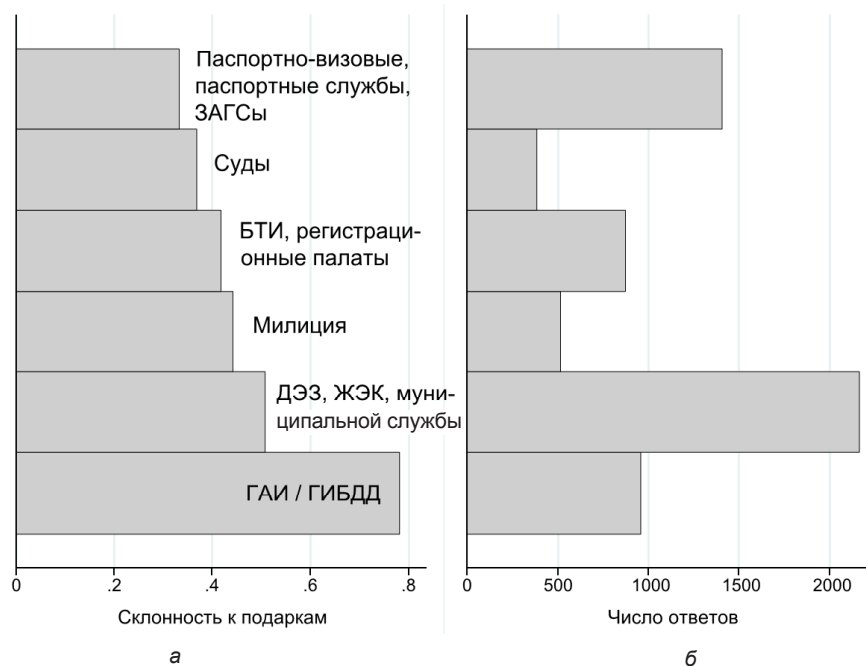

Рис. 4. Склонность к бытовой коррупции в организациях (а) и число респондентов, ответивших на вопрос об оплате, минуя кассу или банк в этих организациях (б), RLMS-HSE, 2006 г.

ностью отвечают, что приходится прибегать к неофициальным вознаграждениям.

В 2011 г. в анкетах RLMS-HSE были вопросы, позволяющие судить о присутствии коррупционных действий в российской системе образования. К сожалению, спектр этих вопросов весьма узок и не позволяет проследить динамику по годам, поскольку аналогичные вопросы в других раундах отсутствуют. Тем не менее, в связи с возникшей в июне 2013 г. ситуацией, связанной с досрочной сдачей ЕГЭ, стоит уделить внимание анализу ответов на эти вопросы.

В выборке домохозяйств, вошедших в опрос RLMS-HSE в 2011 г. (8159 домохозяйств), на момент опроса 492 ребенка обучались в профессиональном училище, техническом училище, техникуме со среднеспециальным образованием и т.п. (не в средней школе и не в вузе). У большинства из них (327 человек) ответ на вопрос о платежах за доброжелательное отношение при выставлении итоговых школьных экзаменационных оценок перед поступлением в училище, техникум и т.п. (речь не идет о ЕГЭ). Среди ответов было только 3 утвердительных, т.е. лишь 0,9 % ответивших платили за хорошие итоговые оценки в школе перед получением среднего специального образования.

В анкетах был задан вопрос о подарках преподавателям в ходе обучения в профессиональном училище, лицее, техникуме, колледже, меди-

цинском, музыкальном, театральном и другом училище, институте, университете, академии (не учитывались средняя школа, профессиональные курсы и курсы повышения квалификации). Вопрос был сформулирован следующим образом: «Ваша семья делает денежные и иные подарки преподавателям и другим работникам учебного заведения, которое посещает ребенок, в том числе и за доброжелательное отношение при выставлении оценок?» В отношении 1515 детей были получены ответы на данный вопрос, из них 133 (т.е. 8,8 %) – положительные. Это означает, что примерно каждый одиннадцатый представитель молодого поколения, получающий профессиональные знания (поколения, которое вскоре может оказывать заметное влияние на развитие экономических и институциональных отношений в стране) попадает под угрозу привыкания к лояльному восприятию неформальных платежей.

Ситуацию усугубляет меньшая склонность молодых людей к подчинению законам. В анкетах RLMS-HSE 2001 г. есть вопрос: «Согласны или не согласны вы с тем, что совсем не обязательно подчиняться закону, который вы считаете несправедливым?» На этот вопрос ответили 7067 респондентов. Варианты ответов кодировались следующим образом: 1 – полностью согласны, 2 – согласны, 3 – не согласны, 4 – совсем не согласны. Непараметрические оценки показали, что среднее значение

ответов старшего поколения заметно (статистически значимо) смещено в сторону подчинения законам.

С целью проверки робастности последнего результата к выборке респондентов и к формулировке вопроса нами были выполнены оценки с использованием данных WVS.

На рис. 5 изображены зависимости средних значений ответов респондентов от возраста при ответе на вопрос о том, насколько оправдано, по их мнению, «...получение взятки, используя служебное положение...» На данный вопрос ответили 1839, 1858 и 1911 респондентов в возрасте от 16 до 72 лет в 1990, 1995 и 2006 гг. соответственно. Ответ каждого из них представляет собой одно из чисел от 1 до 10, где 1 означает, что взятки всегда оправданы, 10 – крайнюю степень осуждения взятки. Результаты обработки анкет WVS (см. рис. 5) качественно совпадают с выводом о большей склонности старшего поколения починаться законам, полученным на основе данных RLMS-HSE.

Непараметрическая оценка зависимости от уровня дохода положительных ответов на вопрос о необходимости давать взятки чиновникам и правоохранительным органам представлена на рис. 6 (данные RLMS-HSE). Начиная с некоторого уровня дохода, наблюдается явная положительная зависимость. Возможно, более обеспеченные респонденты, будучи активно вовлеченными в социально-экономические взаимодействия, чаще сталкиваются с ситуациями, в которых возможна или необходима дача взятки. Кроме этого, превышение их доходов над средним уровнем позволяет им с большей легкостью совершить требуемые неформальные выплаты.

Регрессионный анализ

Приведенные выше непараметрические оценки дают наглядное представление о попарной взаимосвязи рассматриваемых показателей, однако в рамках таких оценок отсутствует контроль на возможное изменение значений других характеристик респондентов. Например, респонденты одного возраста могут иметь различные доходы, уровень образования, территориальную принадлежность и т.п. Восполнить этот недостаток позволяет регрессионный анализ. Одним из достоинств данного метода является возможность увидеть связь изменения отдельной характеристики респондента с ожидаемым значением зависимой переменной при прочих равных условиях (фиксированных значениях других характеристик, включенных в модель в качестве контролирующих и объясняющих).

В таблице в графе «2001» приведены результаты оценки параметров логит-модели бинарного выбора, выполненные на данных RLMS-HSE 2001 г. Зависимая переменная y кодируется так же, как и на рис. 2. Она принимает значение 1, если респондент утвердительно ответил на вопрос о необходимости давать взятки чиновникам и работникам правоохранительных органов, 0 – в случае, если, по мнению респондента, взятки давать не приходится. Модель прогнозирует вероятность положительного ответа i -го респондента по формуле:

$$\Pr(y_i = 1 | x_i, \beta) = L(x_i' \beta) \equiv \frac{\exp(x_i' \beta)}{1 + \exp(x_i' \beta)}, \quad (1)$$

где β – вектор-столбец оцениваемых параметров, x_i – вектор-столбец объясняющих и контролирующих переменных, штрихом обозначено транспо-

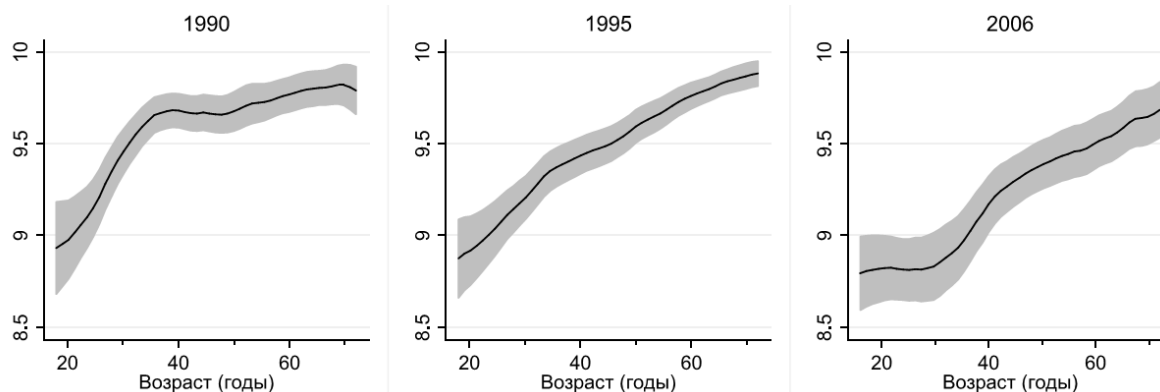

Рис. 5. Осуждение взяток (средние значения ответов респондентов на соответствующий вопрос анкеты WVS) в зависимости от возраста в 1990, 1996 и 2006 гг. (серый цвет – 95 % доверительные интервалы)

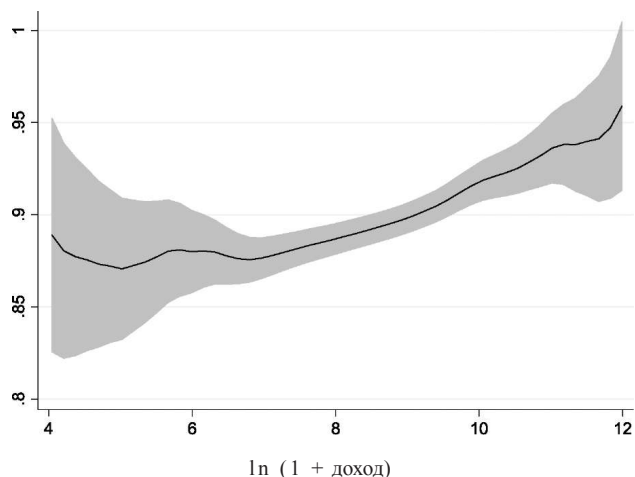

Рис. 6. Зависимость от уровня дохода положительных ответов на вопрос о необходимости давать взятки чиновникам и работникам правоохранительных органов, RLMS-HSE, 2001 г. (по вертикали – доля от числа ответивших, серый цвет – 95 % доверительный интервал)

нирование, обозначение L введено для сокращения дальнейшей записи.

Параметры модели (1) были оценены нами методом максимального правдоподобия. Названия строк в таблице соответствуют названиям объясняющих и контролируемых переменных. Возраст измерялся в годах, в качестве дохода использован средний месячный доход респондента.

Для набора бинарных переменных (принимающих значение 0 или 1), кодирующих максимальный уровень образования, полученный респондентом, в таблице использованы сокращенные названия, имеющие следующий смысл: «Средняя школа», «Начальное профессиональное образование», «Среднее профессиональное образование», «Высшее образование», «Аспирантура, докторантура».

«Женский пол» и «Город» – бинарные переменные, идентифицирующие пол респондента и проживание в городе.

Т а б л и ц а

Логит-модели (RLMS-HSE)

Показатели	2001	ЗАГС	Суды	БТИ	Милиция	ДЭЗ	ГАИ
1	2	3	4	5	6	7	8
Возраст	0.039** (0.016)	0.010 (0.030)	0.055 (0.064)	0.068* (0.040)	0.068 (0.052)	0.008 (0.021)	0.064* (0.035)
Возраст2/100	-0.054*** (0.018)	-0.019 (0.036)	-0.066 (0.073)	-0.085* (0.045)	-0.073 (0.062)	-0.014 (0.023)	-0.083** (0.042)
ln(1 + доход)	0.038*** (0.014)	0.037 (0.025)	0.031 (0.054)	-0.016 (0.033)	-0.025 (0.038)	-0.005 (0.021)	0.019 (0.029)
Средняя школа	0.113 (0.217)	0.763** (0.385)	-0.187 (0.854)	0.210 (0.668)	0.526 (0.769)	-0.131 (0.324)	0.589 (0.852)
Начальное профессиональное образование	0.280 (0.171)	-0.028 (0.354)	-0.473 (0.625)	0.542 (0.541)	0.741 (0.578)	-0.093 (0.255)	0.326 (0.785)
Среднее профессиональное образование	0.356** (0.173)	0.310 (0.351)	-0.842 (0.645)	0.178 (0.539)	0.517 (0.602)	-0.086 (0.252)	0.317 (0.789)
Высшее образование	0.654*** (0.183)	0.481 (0.352)	-0.711 (0.638)	0.596 (0.533)	0.311 (0.595)	0.181 (0.250)	0.641 (0.782)
Аспирантура	0.626 (0.404)	0.921* (0.501)	-0.502 (1.105)	1.464** (0.664)	0.326 (0.801)	0.120 (0.367)	0.783 (0.901)
Женский пол	-0.021 (0.087)	-0.035 (0.143)	-0.029 (0.263)	-0.028 (0.167)	-0.686*** (0.219)	-0.010 (0.102)	-0.168 (0.177)
Город	0.476*** (0.098)	-0.004 (0.167)	0.846*** (0.303)	-0.008 (0.196)	0.178 (0.272)	0.191 (0.137)	0.554*** (0.168)
Северный и Сев.-Западный регион	0.373* (0.195)	0.722** (0.332)	0.350 (0.819)	0.338 (0.488)	0.895* (0.520)	-0.086 (0.225)	-0.423 (0.351)
Центральный и Центрально-Черноземный регион	0.492*** (0.147)	0.267 (0.250)	0.787 (0.560)	0.919*** (0.327)	0.249 (0.376)	0.240 (0.149)	-0.276 (0.237)
Волго-Вятский регион и бассейн реки Волга	0.772*** (0.158)	0.596** (0.242)	0.720 (0.555)	0.994*** (0.325)	0.241 (0.372)	-0.145 (0.162)	-0.199 (0.229)
Северный Кавказ	0.254 (0.157)	1.633*** (0.254)	2.065*** (0.546)	1.594*** (0.340)	1.261*** (0.384)	0.654*** (0.189)	0.568** (0.247)
Уральский регион	0.437*** (0.160)	-0.204 (0.277)	-0.913 (0.703)	0.312 (0.342)	-0.376 (0.363)	-0.208 (0.163)	-0.628** (0.253)

1	2	3	4	5	6	7	8
Западная Сибирь	0.253 (0.175)	-0.272 (0.321)	0.123 (0.629)	0.578 (0.396)	-1.500** (0.589)	-0.189 (0.199)	-1.559*** (0.329)
Восточная Сибирь и Дальний Восток	0.567*** (0.178)	0.829*** (0.248)	0.980* (0.564)	1.454*** (0.361)	-0.253 (0.435)	0.107 (0.174)	-0.342 (0.270)
Константа	0.289 (0.343)	–	–	–	–	–	–
γ_1	–	2.203*** (0.605)	2.966** (1.428)	3.136*** (0.965)	2.231** (1.058)	0.704 (0.526)	1.507 (0.995)
γ_2	–	3.674*** (0.613)	4.446*** (1.442)	4.452*** (0.972)	4.292*** (1.075)	2.186*** (0.529)	3.527*** (1.001)
N	6655	1279	353	808	450	2016	854
Pseudo R ²	0.026	0.054	0.093	0.046	0.088	0.011	0.047
Log Likelihood	-2107	-881	-247	-632	-340	-1811	-846
χ^2	115	101	51	61	66	40	84

Примечание. В скобках указаны стандартные ошибки. Уровни значимости: * – 10 %, ** – 5 %, *** – 1 %.

Региональная принадлежность респондентов также описана набором бинарных переменных. В качестве базовой категории выбрано проживание в Москве или Санкт-Петербурге.

Оценки, представленные в графе «2001» таблицы, согласуются с нашими предварительными рассуждениями. Респонденты, чаще сталкивавшиеся с чиновниками и работниками правоохранительных органов и имевшие больше возможностей дачи взяток, с большей вероятностью говорят о необходимости ее давать. В пользу этого свидетельствуют U-образная зависимость этой вероятности от возраста, положительная зависимость от дохода, преобладание фактов взятничества в городе по сравнению с сельской местностью. Более высокий уровень образования соответствует более широкому кругу общения респондента и, соответственно, большей вероятности знакомства с фактами взятничества.

Несколько неожиданным оказался факт, что некоторые регионы (Северный и Северо-Западный, Центральный и Центрально-Черноземный, Волго-Вятский и Бассейн реки Волга, Уральский) показали более высокую убежденность респондентов в необходимости давать взятки по сравнению с респондентами из Москвы и Санкт-Петербурга. Интерпретация данного результата требует некоторой осторожности. Во-первых, вопросы, задаваемые респондентам, не обязывают их оценивать ситуацию именно в своем регионе. Во-вторых, убеждения респондентов формируются не только жизненным опытом, но и средствами массовой

информации. В-третьих, выборка RLMS-HSE немного смещена в сторону малоимущих слоев населения.

Более подробный анализ можно выполнить с данными 2006 г. Соответствующие результаты представлены в таблице графами с названиями «ЗАГС», «Суды», «БТИ», «Милиция», «ДЭЗ» и «ГАИ» – перечень организаций, в которых респонденту «...приходилось платить деньгами или подарками непосредственно сотрудникам этих организаций, а не официально в кассу или банк...»

Знакомство с ответами респондентов показало, что эконометрическую обработку данных не удастся свести к бинарной модели выбора (1), агрегируя ответы каждого респондента по всем организациям и присваивая зависимой переменной значение 0, если респондент никогда не платил деньги или не давал подарки сотрудникам данных организаций, 1 – платил. Причина заключается в том, что из 1790 человек, ответивших на рассматриваемый вопрос, лишь четверо ответили, что им не приходилось платить деньги или давать подарки непосредственно сотрудникам ни в одной из перечисленных организаций. Кроме создания эконометрических проблем, этот факт является одним из количественных подтверждений высокой распространенности бытовой коррупции в России.

В представленных графах «ЗАГС» – «ГАИ» в таблице моделях значения зависимой переменной (0, 1, или 2) соответствуют кодировке ответов респондентов: «никогда», «иногда» или «каждый раз». Приведенные в этих колонках оценки параметров

относятся к логит-моделям упорядоченного выбора, в которых вероятности соответствующих ответов i -го респондента записываются следующим образом:

$$\begin{aligned} \Pr(y_i = 0 | x_i, \beta) &= L(\gamma_1 - x_i' \beta), \\ \Pr(y_i = 1 | x_i, \beta) &= L(\gamma_2 - x_i' \beta) - L(\gamma_1 - x_i' \beta), \\ \Pr(y_i = 2 | x_i, \beta) &= 1 - L(\gamma_2 - x_i' \beta), \end{aligned} \quad (2)$$

где γ_1, γ_2 – параметры, оцениваемые совместно с параметрами β (методом максимального правдоподобия), остальные обозначения соответствуют выражению (1).

Параметры модели (2) имеют простую интерпретацию. Положительное значение параметра при объясняющей переменной говорит о том, что рост значения данной переменной (при неизменных значениях остальных переменных) увеличивает ожидаемую вероятность ответа, что каждый раз приходится платить непосредственно сотрудникам упомянутых организаций деньги или вручать подарки (речь идет об отклике $y = 2$), и уменьшает вероятность ответа, что никогда не приходилось платить (отклик $y = 0$). В случае отрицательного значения параметра связь между изменением значений объясняющей переменной и ожидаемого ответа – противоположная.

Представленные в таблице в графах «ЗАГС – ГАИ» оценки параметров в основном согласуются с оценками для 2001 г. (графа «2001»), за исключением двух моментов. Во-первых, женщины реже, чем мужчины, говорят о необходимости взяток сотрудникам милиции. Во-вторых, в вошедших в выборку населенных пунктах Урала и Западной Сибири вероятность каждый раз платить деньги или давать подарки непосредственно сотрудникам ГАИ (ГИБДД) ниже, чем в Москве и Санкт-Петербурге. То же самое относится и к милиции в Западной Сибири.

Большое число статистически незначимых коэффициентов в графах «ЗАГС – ГАИ» в таблице по сравнению с графой «2001» объясняется существенно меньшим количеством ответов респондентов на соответствующие вопросы.

Заключение

В настоящей работе на основе находящихся в свободном доступе баз данных WVS, LITS и RLMS-HSE выполнены эмпирические оценки коррупционных настроений в России.

Использованные данные подтвердили наличие положительной связи между доходами респонден-

тов и их уверенностью в необходимости давать взятки. Скорее всего, причиной этого является их более интенсивная социально-экономическая деятельность, увеличивающая вероятность столкнуться с фактами коррупции.

Осознание необходимости давать взятки имеет немонотонную (выпуклую вверх) зависимость от возраста. Пик соответствует периоду высокой социально-экономической активности респондентов.

Расширение круга общения респондентов, связанный, например, с уровнем образования и проживанием в городе, также укрепляет уверенность в необходимости давать взятки.

Проведенный анализ показал наличие относительно высоких коррупционных ожиданий в российском обществе и отсутствие признаков их снижения в последние десятилетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Латов Ю. В. Экономика преступлений и наказаний : тридцатилетний юбилей / Ю. В. Латов // Истоки. Вып. 4. – М. : ГУ-ВШЭ, 2000. – С. 228–270.
2. Kelly M. Inequality and Crime / M. Kelly // Review of Economics and Statistics. – 2000. – Vol. 82(4). – P. 530–539.
3. Brush J. Does income inequality lead to more crime? A comparison of cross-sectional and time-series analyses of United States counties / J. Brush // Economics Letters. – 2007. – Vol. 96(2). – P. 264–268.
4. Андриенко Ю. В. В поисках объяснения роста преступности в России в переходный период : криминалистический подход / Ю. В. Андриенко // Экономический журнал ВШЭ. – 2001. – Т. 5(2). – С. 194–220.
5. Westwood A. Time for adolescent medicine units in South Africa? / A. Westwood [et al.] // South African Medical Journal. – 2008. – Vol. 98(11). – P. 818.
6. Ahlin C. Are financial development and corruption control substitutes in promoting growth? / C. Ahlin, J. Pang // Journal of Development Economics. – 2008. – Vol. 86(2). – P. 414–433.
7. Ведерникова О. Н. Гражданское общество и правовое государство. Антикоррупционная политика в России: с чего начать? / О. Н. Ведерникова // Общественные науки и современность. – 2005. – № 3. – С. 119–128.
8. Попов М. Ю. Коррупция в СССР и современная Россия / М. Ю. Попов // Теория и практика общественного развития. – 2009. – № 1. – С. 6–11.
9. Охотский Е. В. Коррупция : сущность, меры противодействия / Е. В. Охотский // Социологические исследования. – 2009. – № 9. – С. 25–33.
10. Левин М. Коррупция в России : классификация и динамика / М. Левин, Г. Сагаров // Вопросы экономики. – 2012. – № 10. – С. 4–29.

11 Life in Transition Survey. – Режим доступа: <http://www.ebrd.com/pages/research/economics/data/lits.shtml>

12. OFFICIALAGGREGATE v.20090901, 2009. World Values Survey Association (www.worldvaluessurvey.org). Aggregate File Producer: ASEP/JDS, Madrid. – Режим доступа: <http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSDData.jsp?Idioma=I>

13. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ–ВШЭ (RLMS–HSE). – Режим доступа: <http://www.hse.ru/rlms/project>

14. Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл Россия» [Электронный ресурс]. 2001. – Режим доступа: <http://transparency.org.ru/>

15. Transparency International. – Режим доступа: <http://cpi.transparency.org/cpi2012/results/>

16. Gatti R. Individual attitudes toward corruption: do social effects matter? / R. Gatti, S. Paternostro, J. Rigolini // World Bank Policy Research Working Paper. – 2003. – № 3122.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород)

Аистов А. В., кандидат физико-математических наук, доцент кафедры экономической теории и эконометрики

E-mail: aaistov@hse.ru

Тел.: 8 (831) 416-95-29

Рассадовская А. В., аспирант кафедры математической экономики

E-mail: arassodovskaya@hse.ru

Тел.: 8 (831) 416-95-29

National Research University «Higher School of Economics» (Nizhny Novgorod)

Aistov A. V., Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor of the Economic Theory and Econometrics Department

E-mail: aaistov@hse.ru

Tel.: 8(831) 416-95-29

Rassadovskaya A. V., Post-graduate Student of the Mathematical Economics Department

E-mail: arassodovskaya@hse.ru

Tel.: 8(831) 416-95-29